

простонародья, которые не всегда были национальными, но от этого не становились менее националистическими» [Хобсбаум 1998: 30].

Было бы недопустимым заблуждением утверждение, что нация, как и государство, могут складываться стихийно на основе братства или иного позитивного импульса. Что касается русской нации и Государства Российского, то мало кто может отрицать тот факт, что оно было создано целенаправленными усилиями московских царей, превративших небольшое московское государство в мировую многонациональную империю. Имперский центр, будь то Российская империя или СССР, выступал важнейшим фактором инкорпорирования множества народов, разнообразных региональных и этно-национальных общностей в более широкое социокультурное пространство, в единый государственный организм. Поэтому очевидно, что именно федеральному центру принадлежит ключевая роль в создании условий для формирования (именно формирования) единой российской национальной идентичности. Как отмечают авторы статьи «Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве», важную роль в политике идентичности, включающей «такие ключевые направления, как символическая политика, политика в сфере образования и культуры, политика языка, политика памяти... особенно в глубоко разделенных обществах играют социальная политика и политика в сфере межэтнических отношений... В условиях утверждения новой государственности успешность политики идентичности оказывается значимым фактором государственной состоятельности» [Семененко, Лапкин, Бардин, Пантин 2017: 58]. Для реализации этой цели требуются время, усилия, национальная и политическая воли как руководства государства, так и интеллектуальной, экономической, духовной элиты, а также, естественное желание всех народов и этносов Российской Федерации.

Бердяев Н. А. 1990. Судьба России. М.: Советский писатель. 348 с.

Геллнер Э. 1991. Нация и национализм. М.: Прогресс. 126 с.